

На правах рукописи

ФИЛАТОВА Инга Владимировна

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НИЖНЕАМУРСКОГО НЕОЛИТА

Специальность 07.00.06. – археология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Новосибирск – 2008

Работа выполнена в отделе археологии каменного века
Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук
Виталий Егорович Медведев

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Сергей Павлович Нестеров,
Институт археологии и этнографии СО РАН
кандидат исторических наук
Александр Николаевич Попов,
ГОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный
университет»

Защита состоится 22 декабря 2008 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

Автореферат разослан «18» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Нижнее Приамурье – территория долины р. Амур от низовьев р. Уссури до устья – выступало в древности зоной активного культурогенеза [Медведев, 2006, с. 288]. В настоящее время в археологии Нижнего Амура выделены пять неолитических культур: осиповская, мариинская, малышевская, кондонская и вознесенская. Данные стратиграфии и радиоуглеродного датирования позволили соотнести осиповскую культуру (XII – IX тысячелетие до н.э.) с начальным, мариинскую (VIII – VI тысячелетие до н.э.) – с ранним, малышевскую (VI – V – середина III тысячелетия до н.э.) – с ранним – средним, кондонскую (вторая половина IV – середина III тысячелетия до н.э.) – с ранним (?) – средним, вознесенскую (середина III – последняя четверть II тысячелетия до н.э.) – с поздним неолитом [Медведев, 2005, с. 234-259; 2006, с. 288-291].

В исследованиях древних миграций и культурных контактов значительная роль нередко отводится керамике как материалу серийному, обладающему сложным комплексом характеристик, которые могут быть использованы для сравнительного и иных видов анализа [Жущиховская, 1997; 2003]. При этом орнаментация – сфера гончарства, которая отличается наибольшей динамикой, восприимчивостью к внешним воздействиям и способностью к саморазвитию [Она же, 1998, с. 6]. Памятники малышевской, кондонской и вознесенской культур характеризуются представительными коллекциями керамики с богатым и разнообразным декором. В свете изложенного выбранная нами тема с акцентом на изучение орнаментальных традиций населения Нижнего Амура в эпоху неолита представляется актуальной.

Цель исследования – выявить динамику орнаментальных традиций в гончарстве населения Нижнего Амура в эпоху неолита.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) проследить историю формирования источниковой базы по гончарству нижеамурского неолита; 2) изучить историографию проблемы орнаментальных традиций нижеамурского неолита; 3) проанализировать

орнамент на керамике как систему со своей структурой и функциями (в том числе, семантической); 4) вычленив, систематизировать и обобщить признаки орнамента на керамике малышевской, кондонской и вознесенской неолитических культур Нижнего Приамурья; 5) дать сравнительную характеристику и раскрыть взаимосвязи орнамента на керамике названных культур; 6) выявить семантику орнамента на керамике названных культур на основе разработанной модели; 7) провести сравнительный анализ орнамента на керамике малышевской, кондонской и вознесенской неолитических культур Нижнего Приамурья с материалами сопредельных территорий.

Территориальные рамки исследования включают Нижнее Приамурье (Нижний Амур), под которым подразумевается зона нижнего течения р. Амур с притоками от места впадения р. Уссури до устья. В границах этой территории выделяется два ареала с довольно существенными природно-географическими различиями: юго-западная часть и северо-восточная части. Используются также материалы памятников сопредельных территорий российского (Средний Амур, Приморье, Сахалин) и зарубежного Дальнего Востока (Китай, Япония).

Хронологические рамки исследования определяются диапазоном существования малышевской, кондонской и вознесенской культур в рамках VIII тысячелетия до н.э. – последняя четверть II тысячелетия до н.э.

Методология и методы. Теоретико-методологическую основу диссертации составили исследования Э.С. Маркаряна, который под культурной традицией понимал «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [1981, с. 80]. Средствами фиксации, хранения, преобразования и передачи информации, помимо собственно «человеческого языка», могут выступать и так называемые «языки культуры – совокупность культурных объектов, обладающая внутренней структурой (комплексом устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях), явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмысления и употребления ее элементов и

служащая для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов (производства культурных текстов)» [Культурология, 1997, т. 2, с. 215]. На наш взгляд, одним из таких «языков культуры» в архаичном обществе являлся орнамент, в том числе и на керамике. По мнению И.Г. Глушкова культурные традиции в керамике могут быть представлены двумя совершенно независимыми традициями: декоративной и технологической [1996, с. 117]. Декоративная традиция более мобильна, рефлексивна. Орнаментальный «текст» зависит, в первую очередь от общекультурного стиля. Г.С. Кнабе, сравнивая декоративный и технологический аспекты археологического материала, отмечал большую обособленность декоративных характеристик по сравнению с технологическими, слабую связь их с развитием производства [1959, с. 248]. Именно это, по мнению автора, делает их более предпочтительными индикаторами в реконструкции этнокультурных явлений.

В работе использовались системный метод для характеристики структуры и функций, а также семиотический – для разработки модели описания семантики орнамента на керамике. Применялись также традиционные для археологии сравнительно-исторический, типологический и картографический методы. Кроме того, привлекался контент-анализ для статистической обработки керамики как массового материала, данные естественных наук (радиоуглеродное датирование).

Источниками исследования послужили различные археологические материалы (керамика, изделия из глины (пряслица, чуринги и т.п.), скульптурные и наскальные изображения). Основная часть проанализированных археологических материалов достаточно полно отражена в публикациях исследователей: А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, В.Е. Ларичева, А.К. Конопацкого, З.С. Лапшиной, И.Я. Шевкомуда и др. Довольно существенная часть источников – материалы, полученные в результате работ на Нижнем Амуре (пос. на о-ве Сучу) и в Приморье (пос. на сопке Булочка), в которых автор диссертации принимал непосредственное участие. Часть источников – материалы коллекций, хранящихся в фондах

Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (пос. Малышево, Иннокентьевское, Вознесенское, Кондон-Почта, Калиновка); краеведческих музеев гг. Комсомольск-на-Амуре, Амурск, музеев с. Нижняя Тамбовка, Верхняя Эконь Комсомольского р-на, с. Кондон Солнечного р-на Хабаровского края. В ходе работы использовался метод сплошной выборки орнаментированной керамики (пос. Малышево-1, 2, Иннокентьевское, Вознесенское, Кондон-Почта, Калиновка). В тех случаях, когда привлекались данные публикаций, учитывались все отраженные в таблицах материалы (пос. Гася, на о-ве Сучу, Кольчем-2, 3 и др.). Другой источник – радиоуглеродные даты – представлен в различных публикациях. Всего на начало 2008 г. получено 60 радиоуглеродных дат неолитических памятников Нижнего Приамурья. Все даты откалиброваны.

Научная новизна исследования. Впервые детально вычленены, систематизированы и обобщены признаки орнамента на керамике малышевской, кондонской и вознесенской неолитических культур Нижнего Приамурья; дана их сравнительная характеристика, раскрыты взаимосвязи. На основе разработанной модели выявлена семантика орнамента на керамике названных культур. Проведен сравнительный анализ орнаментики нижнеамурских неолитических культур с материалами сопредельных территорий (Средний Амур, Приморье, Сахалин, Китай, Япония).

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по археологии Восточной Азии, в высшей школе при разработке курса «Археология», спецкурсов «Археология Дальнего Востока», «Археология неолита Дальнего Востока».

Апробация. Основные положения диссертации представлены в монографиях (в соавторстве), научных статьях (в том числе, в соавторстве), в докладах на научных и научно-практических конференциях (октябрь 1994 г., г. Комсомольск-на-Амуре), регионального (октябрь 1995 г., г. Комсомольск-на-Амуре, март 2007 г., г. Комсомольск-на-Амуре – г. Хабаровск), всероссийского (декабрь 2002 г., г. Комсомольск-на-Амуре) и международного (апрель 2002 г.,

г. Комсомольск-на-Амуре) статуса, а также в выступлениях на VI итоговой сессии ИАЭт СО РАН (1998), г. Новосибирск, на сессии в рамках проекта по обмену специалистами в Государственном исследовательском Институте культурного наследия, Республика Корея (2003).

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы в количестве 222 наименований, списка сокращений и приложений: Приложение 1 – рисунки и фотоматериалы (116 таблиц); Приложение 2 – таблица радиоуглеродных дат неолитических культур Нижнего Амура, таблицы количественных показателей выборки орнаментированной керамики неолитических культур Нижнего Амура.

Во введении обозначена актуальность исследования, сформулированы цели и задачи, определены территориальные и хронологические рамки, теоретико-методологическая основа и методы исследования, дана характеристика источников, раскрыты научная новизна и практическая значимость диссертации.

Первая глава – «Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита: проблема исследования» – содержит характеристику истории и историографии проблемы, методику исследования.

Первый раздел посвящен истории формирования источниковой базы, начавшейся в середине XIX – начале XX вв. Такими учеными, как Г. Пфейфер, Б. Лауфер, В.К. Арсеньев, Л.Я. Штернберг, М. Красовский, С.М. Широкогоров и др., было открыто довольно значительное число неолитических памятников, но в силу того, что они не исследовались специалистами, сложилось мнение о неперспективности археологического изучения Дальнего Востока вообще, и Приамурья, в частности. Однако работы 1920–1930-х гг. (в том числе и Амурская экспедиция под руководством А.П. Окладникова (1935)) показали необходимость дальнейшего исследования этого района.

В 1950-е гг. изыскания на Нижнем Амуре продолжились трудами Дальневосточной (ДВАЭ), позже Северо-Азиатской комплексной (САКАЭ) археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова, затем – А.П. Деревянко. Почти за пятидесятилетний период работ экспедиции (1953–2002) было открыто и исследовано значительное количество памятников неолитического времени, накоплен большой объем вещественных материалов.

С 1980-х гг. в работе по формированию источниковой базы нижнеамурского неолита принимали участие археологические отряды, организованные на базе краеведческих музеев, ВУЗов гг. Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре, а также Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР.

Таким образом, к настоящему времени в археологии нижнеамурского неолита благодаря работам А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого и других исследователей создана крупная источниковая база, включающая самый разнообразный материал. Коллекции с памятников насчитывают тысячи единиц керамики, включая целые и археологически целые сосуды, обломки верхних и нижних частей. Обнаружены также изделия из глины (типа чуринг, пряслиц и пр.), скульптурные изображения из глины и камня, наскальные рисунки.

Второй раздел освещает развитие взглядов исследователей на орнаментальные традиции нижнеамурского неолита. Первый этап приходится на середину XIX – начало XX в., когда ученые-этнографы (Л.И. Шренк, Р. Маак, Б. Лауфер, Л.Я. Штернберг, Р.Е. Шнейдер и др.), изучая культуру аборигенного населения Приамурья, использовали археологические материалы (петроглифы, керамику и пр.), не ставя цели их специального исследования.

Второй (первая половина – середина XX вв.) и третий (середина – вторая половина XX в.) этапы связаны с деятельностью А.П. Окладникова и его учеников (А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого). По мнению А.П. Окладникова, орнамент на неолитической керамике Нижнего Амура является одним из основных диагностирующих культурную и стадиальную

принадлежность признаков: выделенные в нижнеамурской неолитической культуре хронологические этапы характеризуются определенным типом керамики. А.П. Деревянко актуализировал вопрос о корреляции орнамента на керамике с развитием неолита Нижнего Амура. По его мнению, три этапа, выделенные А.П. Окладниковым, соответствуют трем сменяющим друг друга культурам (малышевской, кодонской, вознесенской), каждой из которых свойственен свой комплекс керамики. В последующих публикациях А.П. Деревянко и В.Е. Медведева дана общая характеристика орнамента на керамике названных культур. В работах А.К. Конопацкого типологические характеристики керамики служат для уточнения периодизации, культурной и хронологической принадлежности комплексов. Оценивая второй и третий этапы изучения орнаментальных традиций неолита Нижнего Амура, отметим, что они были направлены не только на создание источниковой базы, но и на анализ, интерпретацию и обобщение обнаруженного в ходе работ материала.

Четвертый – конец XX – начало XXI вв. – этап изучения орнаментальных традиций нижнеамурского неолита связан с деятельностью А.П. Деревянко и В.Е. Медведева, а также следующего поколения археологов. На этом этапе в силу существенного увеличения источниковой базы, формирования качественно новой методологии изучения вещественного материала (керамика – предмет специального изучения И.С. Жущиковской, Л.Н. Мыльниковой), расширяется проблематика исследований. В частности, предпринимаются попытки решить проблемы генезиса и эволюция нижнеамурских неолитических культур (И.Я. Шевкомуд). Как обобщающую характеристику традиций неолита Нижнего Приамурья в сфере искусства, включая и вопросы, связанные с орнаментом на керамике, следует рассматривать работы В.Е. Медведева за последние десять лет (1995; 1999; 2000; 2001; 2003; 2005, 2007). В целом, этот этап исследований орнаментальных традиций нижнеамурского неолита, можно оценить как период поиска наиболее адекватных приемов и способов изучения орнамента на керамике в соответствии с требованиями, которые предъявляются современной археологией.

Таким образом, по ряду вопросов рассматриваемой нами проблемы в настоящее время накоплен значительный теоретический багаж: четко обозначены позиции авторов исследований в вопросе культурно-стадиальной и территориальной принадлежности той или иной керамики, высказаны определенные точки зрения по вопросу генезиса и взаимосвязи керамических комплексов между собой. Однако ряд вопросов остался нерешенным.

Третий раздел посвящен методике исследования орнаментальных традиций нижнеамурского неолита. В современной науке орнамент является объектом специального изучения исследователей разного профиля: искусствоведов, культурологов, семиотиков, этнографов, археологов и пр. При описании структуры орнамента достаточно традиционным является выделение трех составляющих: элемента, мотива, композиции. На наш взгляд, в структурной характеристике орнамента на керамике, одинаково важными являются как его декоративные, так и технические составляющие. Технические составляющие определяются способом создания орнамента. Декоративные составляющие – формальными признаками: построение (простые, сложные), форма (замкнутые, разомкнутые), характер очертаний (прямолинейные, криволинейные), метр, ритм, симметрия.

Как всякая организованная по определенным правилам система знаков, орнамент фиксирует, кодирует, сохраняет и передает информацию, т.е. выступает в качестве специфического текста. В этом проявляется его основная функция – семантическая. Орнамента как текст, на наш взгляд, состоит из трех компонентов: фона (внешней поверхности сосуда), мотива (простейшей единицы сюжетного развития) и разграничительной линии, которая отмечает сорасположение мотива и фона, а также различных мотивов. При выявлении и формулировке семантического содержания компонентов орнамента мы учитываем: во-первых, значимость позиций компонентов в рамках композиционного целого; во-вторых, что перед нами знаки-копии, которые в силу техники своего воспроизведения (примитивизм, схематизм), обнаруживают признаки знаков-индексов, а в некоторых случаях, возможно,

трансформируются в индексы; в-третьих, компоненты фиксируют важные актуальные реалии окружающего мира; в-четвертых, семантика таких знаков может быть описана преимущественно через абстрактные категории; в-пятых, не каждый отдельный элемент орнамента семантичен. Нами предлагается модель, которая предполагает описание по следующим позициям: 1) название мотива; 2) разновидности (указываются в случае их наличия, каждый описывается отдельно); 3) чем образован; 4) количество повторений; 5) место расположения (венчик, тулово, днище); 6) ориентация (вертикальная, горизонтальная, неопределенная); 7) выступает ли самостоятельно или с другими мотивами; 8) мотивы-контактеры; 9) мотивы-дистантеры; 10) ориентация контактеров и дистантеров в пространстве; 11) наличие фиксированной позиции; 12) инварианты (бордюр, сетка, розетка); 13) функция фона. Информация, которую орнамент передавал при помощи специального кода, могла носить магический или же опознавательный (идентифицирующий) характер. Помимо этого представляется, что в рамках семиотического аспекта орнамент выполнял функцию трансляции межпоколенного опыта в рамках данной культуры, а в случае межкультурного взаимодействия – передачи культурного кода данной традиции, индикатора культурной или этнической принадлежности. Помимо семантической функции, не менее важной на наш взгляд, выступает эстетическая функция орнамента. Средствами эстетической организации орнамента выступают симметрия / асимметрия, контраст / нюанс / тождество, динамичность / статичность. Однако орнамент на глиняном сосуде не всегда выполнял только эстетическую функцию; зачастую нанесение его на поверхность изделия становилось такой же технологической операцией в изготовлении керамики, как подготовка глины, приготовление формовочных масс, лепка, обработка поверхности и обжиг. Поэтому еще одной функцией орнамента можно считать техническую.

Таким образом, орнамент представляет собой целостную систему с четко выраженной иерархичной структурой, неоднозначными внутренними и внешними связями, определенными функциями.

Во второй главе – «Орнаментальные комплексы нижнеамурских неолитических культур: структурно-типологический анализ» – дана характеристика орнамента на керамике малышевской, кондонской и вознесенской неолитических культур Нижнего Приамурья.

В *первом разделе* представлен структурно-типологический анализ орнаментального комплекса малышевской культуры раннего – среднего неолита Нижнего Амура. Орнамент основывался на создании рельефных изображений, в которых доминировала негативная разновидность рельефа, а позитивная служила дополнением. Использование плоскостного орнамента отличается некоторой спецификой: краской покрывалась в основном верхняя, реже нижняя части сосудов. Создавался негативный рельеф различными способами, ведущим из которых было штампование. Типична многосоставная «рецептура» орнамента. Штампованием наносились не только вдавления зубчатого штампа, но и круглые, овальные, прямоугольные, ромбовидные и пр. оттиски. Эти и другие технико-декоративные элементы компоновались в мотивы, которые можно считать характерными для малышевской орнамента: прямые горизонтальные линии, волнистые горизонтальные линии, меандр. На основе разнообразных метрических и ритмических порядков составлялись композиции, по преимуществу, бордюрного типа. Сравнительно реже использовались такие принципы построения, как сетка и розетка. Структура орнамента, в основном, концентрическая.

Результаты структурно-типологического анализа материалов коллекций различных памятников малышевской культуры позволяют сгруппировать последние в три основные группы: 1) пос. Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий, Малышево-1; 2) пос. Гася, Иннокентьевское, Вознесенское; 3) пос. Калиновка, на о-ве Сучу, Малая Гавань. Обособление их имеет, на наш взгляд, территориальную и хронологическую обусловленность. Характерные специфические признаки орнаментального комплекса малышевской культуры обусловлены, по-видимому, его внутренней логикой развития.

Во *втором разделе* представлен структурно-типологический анализ орнаментального комплекса керамики кондонской культуры раннего (?) – среднего неолита Нижнего Амура. Единственным принципом декорирования кондонской керамики выступает рельеф (негативный и позитивный) при доминировании углубленной разновидности. Негативный рельеф создавался различными способами, но ведущим было штампование. В этой технике наносились отпечатки зубчатой «гребенки», оттиски различных форм. Позитивный рельеф получали налепливанием и зачищиванием. Типична как одно-, так и многосоставная «рецептура» орнамента. Названные элементы лежат в основе наиболее характерных для декора кондонской керамики мотивов (прямой горизонтальной линии, горизонтального зигзага, волнистой линии, сетки-«плетенки»). Характерны бордюр, бордюр + сетка. Структура декора, по преимуществу, концентрическая, сетчато-концентрическая, радиально-концентрическая. Отметим складывание в гончарстве кондонской культуры «стандартных рецептов» оформления сосудов.

Названные специфические признаки имеют, по-видимому, хронологическую обусловленность. По-видимому, в орнаменте на керамике кондонской культуры можно говорить о наличии трех временных групп: архаичной, развитой и поздней. Специфика источниковой базы названной культуры позволяет только приблизительно наметить территориальные группы: 1) юго-западная (пос. Шереметьево, Амурский Санаторий, Бычиха-1, Казакевичево-2, Князе-Волконское-1); 2) центральная (пос. Иннокентьевское (пункты I, II), Кондон-Почта, Кондон-5, 9, 13, 17, 20); 3) северо-восточная (Гуга-1, Гырман и др.). В целом, характерные специфические признаки орнаментального комплекса кондонской культуры обусловлены в первую очередь характером его формирования и развития.

В *третьем разделе* представлен структурно-типологический анализ орнаментального комплекса керамики вознесенской культуры позднего неолита Нижнего Амура. Декор основывался, в первую очередь, на создании рельефных изображений, в которых негативная и позитивная разновидности

задействовались сравнительно одинаково. Плоскостные изображения, как правило, сочетаются с рельефным декором. Создавался негативный рельеф главным образом прокатыванием, протаскиванием, штампованием, накалыванием, позитивный – налепливанием и зашипыванием, плоскостной – окрашиванием. Ведущие технико-декоративные элементы – оттиски гребенчатого штампа, зубчатого колесика разнообразных форм, линии, желобки, прямые и волнистые валики. Сложные геометрические мотивы (зигзаг вертикальный и горизонтальный, спираль, меандр), а также личины разной степени стилизации – наиболее характерные составляющие вознесенского орнаментального комплекса. Основными типами построения композиций были сетка, бордюр + сетка, бордюр + розетка, сетка + розетка, бордюр + сетка + розетка. Структура декора преимущественно концентрическая.

Результаты структурно-типологического анализа орнамента на керамике не позволяет сгруппировать местонахождения вознесенской культуры в четко обособленные в территориальном отношении группы. В материалах памятников юго-западной (пос. Шереметьево, Казакевичево, Амурский Санаторий, Малышево-2, 3), центральной (пос. Вознесенское, Кондон-Почта) и северо-восточной частей Нижнего Приамурья (пос. на о-ве Сучу, Кольчем-2, 3, Сусанино, Малая Гавань, Тахта, Старая Какорма и др.) зафиксированы образцы изделий, которые могут быть отнесены как к развитым, так и поздним группам. Выделение ранней группы орнаментального комплекса керамики названной культуры является проблематичным, т.к. анализ основной части материалов коллекций показывал наличие уже вполне сложившихся декоративных признаков. Как сравнительно архаичные (по декору и, отчасти, формам) можно рассматривать изделия, оформленные исключительно вертикальным зигзагом. В целом, характерные специфические черты орнаментального комплекса вознесенской культуры обусловлены, скорее, характером ее формирования.

В третьей главе – «Орнаментальные комплексы нижнеамурских неолитических культур: сравнительная характеристика, семантика, корреляция с материалами сопредельных территорий» – дана

сравнительная характеристика и выявлена семантика декора рассматриваемых культур на основе разработанной модели; проведен сравнительный анализ орнамента на керамике неолитических культур Нижнего Приамурья с материалами сопредельных территорий.

В *первом разделе* представлен сравнительный анализ орнаментальных комплексов керамики мальшевской, кондонской и вознесенской культур нижнеамурского неолита. Сходные признаки, обозначенные нами как «культурно-стадиальные», т.е. характерные для орнаментики нижнеамурской неолитической керамики в целом, и «культурные», специфические для той или иной культуры, фиксируются на всех уровнях структуры орнамента рассматриваемых культур. Черты сходства в культурных признаках орнамента мальшевской и кондонской керамики наличествуют только на низшем и среднем уровне структуры декора. Сходные культурные признаки в мальшевской и вознесенской керамике отмечены на низшем и среднем уровнях структуры орнамента. В орнаментальных комплексах кондонской и вознесенской керамики сходных культурных признаков не выявлено.

В каждом из рассматриваемых орнаментальных комплексах в хронологическом отношении выделяются ранняя, средняя и поздняя группы. Кроме того, основные местонахождения группируются по территориальному признаку в юго-западную (пос. Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий, Малышево), центральную (пос. Гася, Иннокентьевское, Вознесенское, Кондон-Почта) и северо-восточную (пос. Калиновка, на о-ве Сучу, Кольчем-2, 3, Сусанино, Малая Гавань, Тахта) группы. Вероятной контактной зоной на среднем этапе существования мальшевской и кондонской, на среднем и позднем этапах развития мальшевской и раннем (?) и среднем этапах развития вознесенской, на среднем и позднем этапах существования кондонской и раннем (?) и среднем этапах существования вознесенской культур была центральная часть Нижнего Приамурья. Возможными зонами контактов служили также и северо-восточная, и юго-западная части данной территории. В целом, можно говорить не только о значительной культурной близости

орнаментальных комплексов малышевской и вознесенской культур, но и рассматривать их как компоненты единой орнаментальной традиции, сформировавшейся, возможно, на основе аккультурации и, частично, диффузии. Орнамент кондонской культуры развивался, вероятно, в рамках иной традиции, хотя и испытал эпизодическое внешнее воздействие со стороны носителей как малышевской, так и вознесенской культур.

Во *втором разделе* представлена вероятная семантика орнамента на керамике рассматриваемых культур. По мнению исследователей, в мифопоэтической системе древних культур глиняный сосуд предстает, кроме прочего, как модель мироздания (Иофан, 1975; Косарев, 1984, 1991; Балакин, 2006). Его создание (как и других вещей) мыслится, как воспроизведение акта творения сущего (Байбурин, 1989), его части уподоблены частям мира, человека (Топоров, 1988). В силу этого, основное семантическое значение фона глиняных сосудов – окружающий мир, пространство существования, фон бытия человека. Оно соответствует таким элементам мироздания как вода, земля, воздух, огонь. Заметим, что изделия малышевской и вознесенской культур покрывались красной, белой и черной краской. Возможно, понятия «вода», «земля», «воздух», «огонь» воплощались также в образах животных. Смысловое выражение разграничительной линии, представленной как инвариантами, так и вариациями, в семантической структуре определяется местом ее расположения в орнаментальной композиции.

Орнаментальный мотив – основной смысловой компонент семантической структуры декора – представлен линией прямой горизонтальной, «каннелюрами», углом, зигзагом (горизонтальным и вертикальным), сеткой, треугольником, инвариантными для всех трех культур. Семантически названные орнаментальные мотивы могут быть интерпретированы как выражение стихии «воды», что, на наш взгляд, свидетельствует об общей парадигме развития неолитических культур Нижнего Амура, в своей культурно-хозяйственной деятельности напрямую связанных с крупнейшей водной артерией региона. Помимо мотивов-инвариантов фиксируются мотивы,

характерные только для двух рассматриваемых культур. Наличие их, возможно, связано с тотемистическими представлениями носителей неолитических культур, особенными для каждой из них. Конкретная интерпретация их смысла затруднительна в силу подчеркнутой геометричности, но, вероятно, единым образом, воплощавшим общее представление о божестве, мог быть образ дракона, как существа одновременно огненной, воздушной и водной стихии.

Доминирующее горизонтальное расположение орнаментальных мотивов, наличие мотивов-инвариантов, ассоциирующихся с водной стихией, позволяет предположить, что у носителей культур нижнеамурского неолита моделью мира, вероятно, выступала горизонтальная «речная» модель. Общая же семантика глиняных сосудов и орнамента на них была связана, на наш взгляд, с идеей жизни. Сосуд был воплощением представлений о вместилище, которое всегда должно быть наполнено, будь-то реально или символически, как залог благополучного существования человека.

Третий раздел посвящен сравнительному анализу орнамента на керамике нижнеамурских неолитических культур с материалами сопредельных территорий. Корреляция неолитической керамики Нижнего Приамурья с материалами из Приморья, Среднего Амура, Сахалина, Китая, Японии позволяет установить возможные связи, выявить черты сходства и различий, определить степень взаимовлияний. Черты сходства проявляются на всех уровнях структуры орнамента, в очень широком хронологическом и территориальном диапазоне. Несомненно, некоторые из выделенных признаков следует рассматривать как культурно-стадиальные, т.е. как характерные для орнаментики дальневосточной неолитической керамики в целом: 1) рельеф (по преимуществу, негативный), как ведущий принцип декорирования поверхности сосудов, и штампование, как доминирующую технику его нанесения; 2) оттиски гребенчатого штампа; 3) концентрическую (по преимуществу) структуру орнамента и бордюры, как принцип пространственного строения. Прочие признаки являются культурными.

Наличие культурных и культурно-стадиальных признаков, видимо, можно объяснить миграционными процессами. Наиболее вероятными зонами контактов могли служить два района. Первая контактная зона – юго-западная часть Приамурья – вероятно, являлась местом встречи носителей мальшевской культуры и культурной традиции «сергеевского типа», кондонской и руднинской, вознесенской и зайсановской культур на ранних этапах их развития. Отсюда же мальшевцы могли проникнуть на территорию Среднего Амура, а носители громатухинской культуры, наоборот, – в Нижнее Приамурье, используя р. Амгунь, верховья р. Буреи и р. Селемджу в качестве магистрали. Вторая контактная зона – северо-восточная часть Приамурья – могла служить местом соприкосновения мальшевской и бойсманской культур, а также мальшевцев и носителей керамики типа памятника Тайсо-3 (Япония). Северо-восточная зона Приамурья могла быть контактной и для носителей вознесенской и зайсановской, вознесенской и имчинской культур, а также вознесенцев (на раннем и позднем этапе) и мигрантов с территории Северо-восточного Китая.

В заключении излагаются основные выводы и результаты исследования. Начало формирования орнаментальных традиций в гончарстве населения Нижнего Приамурья связано с осиповской культурой, данные по которой еще не введены полностью в научный оборот, но, тем не менее, орнамент развитых форм осиповской керамики имеет некоторые аналогии в керамике мариинской, мальшевской и кондонской культур. Следующий этап развития орнаментальных традиций нижнеамурского неолита соотносится с мариинской культурой, сравнительно слабо изученной в силу крайне малого количества открытых памятников. Декор на керамике мариинской культуры обнаруживает некоторое сходство с сосудами ранней группы кондонской культуры, что позволяет предположить существование контактов на позднем этапе мариинской и раннем этапе кондонской культур. Прослеживаются и некоторые параллели мариинской керамики с керамикой руднинской культуры Приморья.

Дальнейшее развитие орнаментальных традиций нижнеамурского неолита связано с носителями мальшевской и кондонской культур. Черты

сходства в культурных признаках орнамента малышевской и кондонской керамики наличествуют только на низшем и среднем уровне структуры декора, что говорит о возможных прямых и/или опосредованных контактах, скорее всего, на ранних и, по-видимому, средних стадиях развития орнаментальных комплексов. Вполне вероятно, что контакты с населением сопредельных территорий Приморья, Среднего Амура, Северо-восточного Китая и Японии также сыграли свою роль.

Заключительный этап формирования орнаментальных традиций связан с вознесеновской культурой. Сходные культурные признаки в малышевской и вознесеновской керамике фиксируются на всех уровнях структуры, что свидетельствует о возможности прямых и/или опосредованных контактах не только на ранней, но и на более поздних стадиях существования орнаментальных комплексов. Сходные культурные признаки в орнаменте кондонской и вознесеновской керамики, отмеченные только на среднем уровне, показывают вероятность прямых и/или опосредованных контактах на поздней для кондонской и средней для вознесеновской стадий развития орнаментальных комплексов. Не оспаривая общей идеи о «смешанном» происхождении вознесеновской культуры, выдвинутой Л.Н. Мыльниковой, оговоримся, что на наш взгляд, керамический комплекс, названный ею «протовознесеновской традицией» [1999, с. 68] и связываемый с начальным/ранним этапом вознесеновской культуры, скорее коррелируется с ее поздней стадией. По-видимому, эта культура дважды испытала влияние мигрантов с из Северо-Восточного Китая – на раннем и позднем этапе развития.

Учитывая имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно говорить о центральной части Нижнего Приамурья (пос. Гася, Хумми, Вознесенское, Кондон-Почта), как о внутренней контактной зоне для носителей всех нижнеамурских неолитических культур. Юго-западная (пос. Шереметьево, Казакевичево, Бычиха, Амурский Санаторий, Малышево) и северо-восточная (пос. Калиновка, на о-ве Сучу, Малая Гавань и др.) части Нижнего Амура

связались, по-видимому, внешними контактными зонами. В целом формирование и развитие орнаментальных традиций нижнеамурского неолита имело сложный характер, что нашло отражение в исключительном его разнообразии и специфической семантике.

**Список работ, опубликованных по теме диссертационного исследования
(общий авторский вклад 21,3 п.л.)**

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. **Филатова И.В.** Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 88-95 (авторский вклад 0,9 п.л.).

Монографии:

2. Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.** Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году: В 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2002. – 1080 с. (на рус. и кор. яз.) (авторский вклад 3,8 п.л.).

3. Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.** Исследования на острове Сучу в нижнем Приамурье в 2002 году. Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.): В 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2003. – 1111 с. (на рус. и кор. яз.) (авторский вклад 4,3 п.л.).

4. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.**, Хон Хён-У. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в 2003 году: В 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2004. – 814 с. (на рус. и кор. яз.) (авторский вклад 3,0 п.л.).

5. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.**, Хон Хён-У. Древние

памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в 2004 году: В 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2004. – 822 с. (на рус. и кор. яз.) (авторский вклад 3,0 п.л.).

6. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Филатова И.В., Краминцев В.А., Медведева О.С., Хам Сан Тэк, Субботина Н.Л. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в 2005 году. – Тт. I-III. – Сеул: Изд-во Гос. Исслед. Ин-та культурного наследия Республики Корея, 2005. – 820 с. (на рус. и кор. яз.) (авторский вклад 2,6 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов:

7. Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Ласкин А.Р., Кан Ин-Ук, Филатова И.В. Исследования первой совместной российско-корейской археологической экспедиции на Амуре в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 105-111 (авторский вклад 0,03 п.л.).

8. Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Раскопки совместной российско-корейской экспедиции на о. Сучу в 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 79-85 (авторский вклад 0,05 п.л.).

9. Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Раскопки совместной российско-корейской экспедиции на о. Сучу в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 76-83 (авторский вклад 0,06 п.л.).

10. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.**, Хон Хён-У. Раскопки Российско-корейской Приморской экспедиции поселения Булочка в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 336-341 (авторский вклад 0,04 п.л.).

11. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., **Филатова И.В.**, Медведева О.С. Исследование Российско-Корейской археологической экспедиции поселения Булочка в 2004 г. (Приморье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I – С. 244-249 (авторский вклад 0,05 п.л.).

11. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., **Филатова И.В.**, Хам Сан Тек. Три года раскопок на поселении Булочка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 297-303 (авторский вклад 0,05 п.л.).

12. Медведев В.Е., **Филатова И.В.** О соотношении керамики из культурных слоев поселения у с. Вознесенского (Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, посвящ. 40-летию СО РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН, декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 117-122 (авторский вклад 0,2 п.л.).

13. Медведев В.Е., **Филатова И.В.** Об орнаментации глиняных сосудов из жилищ эпохи неолита у с. Малышево в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI

Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 134-139 (авторский вклад 0,2 п.л.).

14. **Медведев В.Е., Филатова И.В.** Многослойное поселение у с. Калиновка на Нижнем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итог. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 170-175 (авторский вклад 0,2 п.л.).

15. **Медведев В.Е., Филатова И.В.** Керамика из поселения у с. Иннокентьевка // Традиционная культура Востока Азии: Археология и культурная антропология. – Благовещенск: Амурский ун-т, 2001. – Вып. 3. – С. 62-67 (авторский вклад 0,2 п.л.).

16. **Медведев В.Е., Филатова И.В.** К характеристике орнамента неолитической керамики Вознесенского поселения // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 42-57 (авторский вклад 0,3 п.л.).

17. **Филатова И.В.** «Вознесенские личины»: Интерпретация семантики // Орнаментальное искусство народов Дальнего Востока: Сб. докл. и сообщ. регионал. науч.-практ. конф. (17–19 октября 1995 г.). – Комсомольск Н/А: [Б.и.], 1995. – С. 67-72 (авторский вклад 0,4 п.л.).

18. **Филатова И.В.** Мифологические образы в орнаментальных традициях Приамурья (по керамическим материалам вознесенской археологической культуры) // Литература в контексте культуры: Мат-лы науч.-практ. конф. 26–28 октября 1994 г. Секция «Человек. Литература. Общество». – Комсомольск Н/А: Изд-во пед. ин-та, 1995. – С. 12-20 (авторский вклад 0,5 п.л.).

19. **Филатова И.В.** Орнамент как система: опыт структурного анализа (на материалах орнаментальной традиции малышевской неолитической культуры Нижнего Амура) // Теоретические и методологические проблемы современного гуманитарного знания: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 14–15 декабря 2000

г. – Комсомольск Н/А: Изд-во Комсомольского-на-Амуре пед. ун-та, 2001. – С. 139-141 (авторский вклад 0,1 п.л.).

20. **Филатова И.В.** Мотив «амурской плетенки» в орнаментальных традициях неолита Нижнего Амура // Литература и философия: постижение человека: Мат-лы междунар. науч. конф. 25–26 апреля 2002 г. – Комсомольск Н/А: Изд-во Комсомольского-на-Амуре пед. ун-та, 2003. – С. 105-109 (авторский вклад 0,2 п.л.).

21. **Филатова И.В.** Мотивы-инварианты и их семантика в орнаментике нижнеамурского неолита// Художественно-эстетическое образование: Опыт, проблемы, перспективы: Мат-лы регион. науч.-практич. конф. / под ред. С.Н. Скоринова. – Хабаровск: Краевое науч.-образоват. творч. объедин. культуры; Дальневосточ. гос. науч. библиотека, 2007. – Ч. I. – С. 179-183 (авторский вклад 0,4 п.л.).

Сдано в печать 12.11.2008

Формат 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 1,5. Уч.-изд. л. 2,3. Заказ № 1487. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии издательства ФГОУ ВПО «АмГПУ»

г. Комсомольск Н/А, ул. Кирова, 17/2